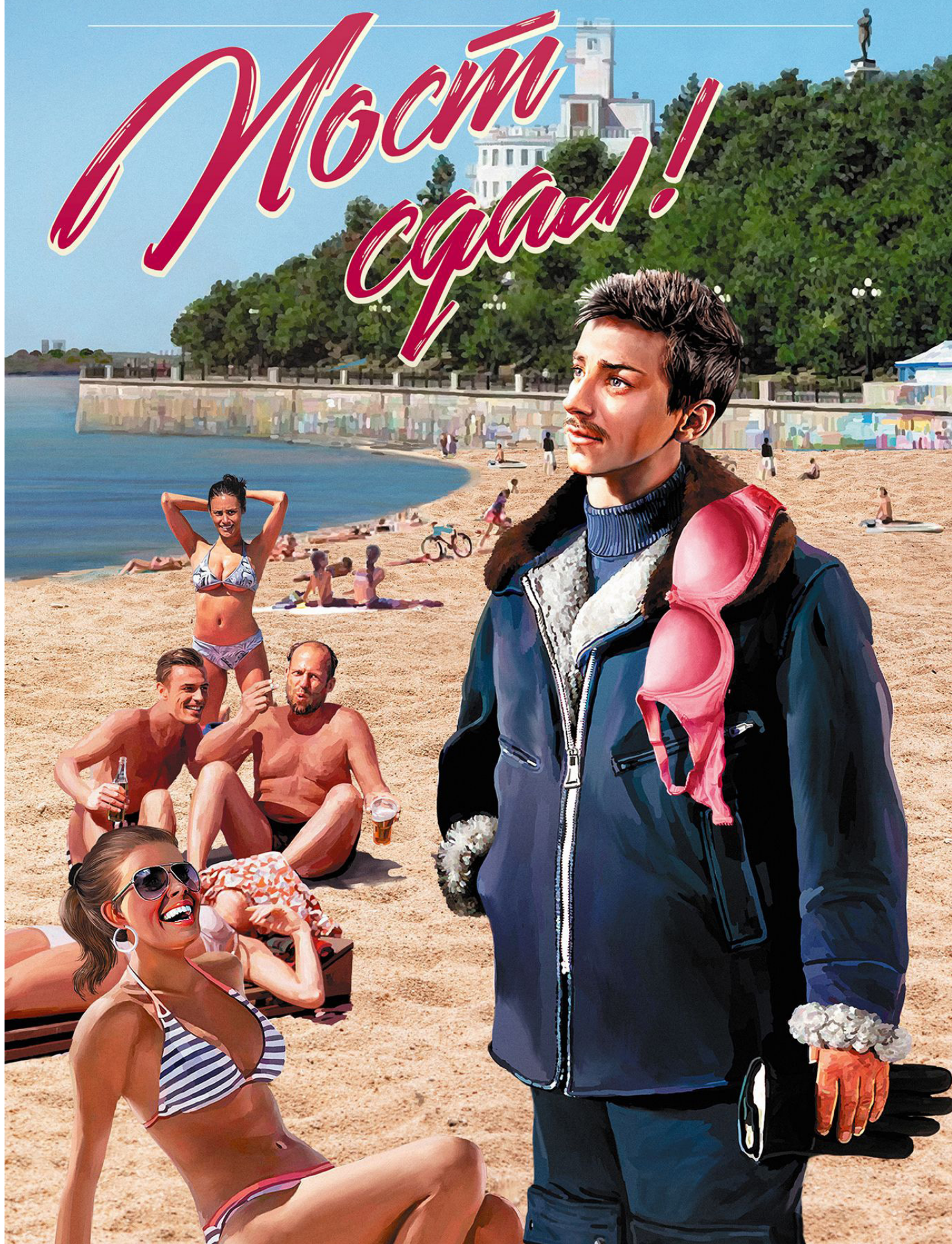

СЕРГЕЙ ЛОГВИНОВ

Мост сдаст!

Сергей Логвинов

Пост сдал!

«Aegitas»

2018

УДК 82-32
ББК 84(2)6

Логвинов С. В.

Пост сдал! / С. В. Логвинов — «Aegitas», 2018

ISBN 978-5-6041755-5-2

Сергей Логвинов, яркий представитель литературного жанра «пост-литература», обладает талантом видеть закрученную интригу и сумасшедшие сюжеты в рядовых жизненных ситуациях. Его лирический герой – обычный человек. Он помнит Брежнева, он выжил в 90-е и внёс ценный вклад в развитие интернета в 2000-х. Он менял жён, города и профессии. Злоупотреблял алкоголем и спасал людей. На его месте мог бы оказаться любой из нас. И да, каждое слово в этой книге – правда. Содержит нецензурную брань.

УДК 82-32

ББК 84(2)6

ISBN 978-5-6041755-5-2

© Логвинов С. В., 2018

© Aegitas, 2018

Содержание

От автора	6
Сбитый лётчик	8
День рождения пони	10
Животные упоротые	13
Штопаный носок	15
В Питере – пить	17
Позови меня на свадьбу	21
Тайны дамской сумочки	24
Документальная фотография	27
Влажный рот	29
Настоящий Дед Мороз	33
Похмельный пылесос	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Сергей Логвинов

Пост сдал!

© С. В. Логвинов, 2018

© Верстка электронной книги – издательство «Aegitas», 2018

От автора

И вот она – книга.

Изначально это были просто посты в интернете. В 2007 году я от всего сердца подарил Йовану Савовичу на 8 Марта домен leprosorium.ru, и знаменитая «Лепра» (leprosorium.dirty.ru) балканизировалась в отдельный блог. Туда я, собственно, и накидал несколько первых биографических постов, большая часть из которых канула в Вечность.

В 2012 году по работе мне пришлось осваивать «Фейсбук», продираясь сквозь «мы пока-кунькали», «няня, я у них поел» и прочие скопища панд и кошечек. От безысходности я стал вывешивать свои спонтанные воспоминания.

У меня образовалась привычка активно комментировать посты моих друзей. При этом я не страдал лаконичностью, так что особо удачные «простыни», которые выходили из-под курсора, переводил в ранг собственных постов.

Зачем?

Единственное, чего я хотел, – повеселить и развлечь тех, кто меня знает. Или навести грусть. Это уж как получится. На популярность среди широкой интернет-общественности я не рассчитывал – это истории для кухонных посиделок и баек на трубе теплотрассы.

Однако круг моих виртуальных друзей стал расширяться. Люди читали, делились моими текстами со своими друзьями, комментировали. Потом вдруг стали требовать книгу. Круг сужался, на меня оказывали давление и шантаж. И я повёлся.

В итоге появился этот сборник постов, прошедших через минимальную редакторскую огранку с сохранением матерных слов, стилистических шероховатостей, длиннот и бреда. В книге нет сюжета, посты собраны в почти случайном порядке. И хотя все они являются в той или иной степени биографическими зарисовками, на самом деле в моей жизни многое было ещё драматичнее и комичнее. Уцелевшие свидетели могут это подтвердить.

Muötähäpeä (пусть стыдно будет тем, кто это видел).

По мнению первых читателей книги, у меня получился вполне удобоваримый винегрет: детские наивности, бойцовская смекалка в условиях военно-морского училища, интриги дальневосточного гарнизона, вольные хлеба челночества, богатство и нищета, владение бизнесами и бомжевание, работа в глянце и фриланс. Попробуйте и вы оценить это слепленное на скорую ногу блюдо. Приятного аппетита!

Вот, вкратце так.

P. S. Нет, я честно не читал ни одной строчки замечательного писателя Довлатова.

Мост
сдал!

Сбитый лётчик

Один раз я случился без денег. В начале 90-х челночил Китай – Приморье – Камчатка, мотался туда-сюда. Туда с товарами, оттуда с мошной. Сразу скажу, что челночил честно: пуховики с куриными перьями, высыпаящимися из подмышек, не возил.

В основном рейсы были из Владивостока до Хабаровска, там пересадка и финальный вылет на Камчатку, в Елизово. Денег у меня было настолько в обрез, что я даже от еды в самолёте отказывался, будучи уверенным, что это за отдельную плату: все средства уходили на колониальные товары.

Один из таких рейсов я совершал поздней весной. Несмотря на то что Владивосток на одной широте с Сочи, лето там наступает в конце июня. В мае же ещё лежит снег, дует мокрый ветер и рейсы отправляются кое-как, а забитые до отказа самолёты тяжело отрываются от земли, как жирные осенние гуси.

Вылетел я в Хабаровск в военной зимней экипировке: лётная меховая куртка, верблюжий свитер, собачьи унты, шапка-ушанка и рукавицы с начёсом.

Начало 90-х – это сказочное время перемен, когда ты каждый день просыпаешься в новой стране. Пока я летел, цены на самолётные перелёты выросли в два раза. И за недолгое – около 40 минут – время полёта события развивались без уведомлений, новостей и сигнальных зелёных ракет.

Приземлился я в Хабаровске с суммой, равной половине требуемой, чтобы продолжить трансдальневосточный перелёт до Камчатки. Или ещё меньше.

Быстро сдал багаж в камеру хранения и тут же бросился к переговорному пункту, чтобы позвонить друзьям и попросить их прислать денег. Остатков хватило на полторы минуты разговоров. Пока я летел, телефонные переговоры и их стоимость тоже не дремали.

В кармане у меня осталось денег на то, чтобы умереть стоя, а в сумке болталась пара китайских розовых бюстгалтеров и что-то ещё, в чём я совсем не разбираюсь.

Перевод должен прийти через три дня. И я пошёл бомжевать.

Я бродил бесцельно по улицам, знакомясь с городом. Просторные улицы чем-то напомнили Харьков. В небе ни облачка.

Первую ночь я провёл в городском парке.

Я скукожился на лавке, сев поближе к урне: оттуда вкусно тянуло беляшами. Запах бодрил всю ночь до головокружения.

На следующий день я твёрдо решил выспаться.

Огромная афиша на фасаде кинотеатра приглашала на «Калигулу». Вздремнуть под исторический костюмированный фильм всего за несколько рублей – а почему бы и нет? О, как же я ошибся!

То, что творилось на экране, не позволяло сомкнуть глаз. Я был уверен, что попал в какой-то притон на закрытый показ. Чем дольше шло действие на экране, тем исторический фильм становился всё менее костюмированным. Пока костюмов вообще не осталось.

В зале сидело человек десять, а к середине сеанса остался только я. Все приличные люди, матерясь, вышли из зала.

А я опять не выспался.

Тем временем начался третий день моего голодного существования в малознакомом городе.

И я решил выживать.

Для начала надо было помыться: жить летом в зимней одежде – это очень неуютно и негигиенично. Я стал спрашивать прохожих, где у них тут пляж. Прохожие от меня шарахались, пока какой-то алкоголик понимающе не показал правильное направление.

Я подошёл к обрыву. Передо мной раскинулся Амур. Ну, не совсем передо мной – будет он тут перед деклассированными элементами раскидываться. Он проистекал сам по себе.

И тут у нас поворот сюжета.

Дело в том, что, когда в мае во Владивостоке бушуют зимние ураганные ветры, в Хабаровске уже загорают, изнемогают организм холодной газировкой и отгоняют младенцев от линии приобя.

Я спустился на пляж и остановился, шурясь от солнца. Впереди зашуршал галькой Амур.

Галькой зашуршал не только Амур. Перепуганные моим видом люди стали с удивлением приподниматься со своих полотенец и снимать солнцезащитные очки. Я обернулся: не тянется ли за мной парашют со спутанными стропами? Образ сбитого лётчика мне удался на славу.

Внезапно я сделался героем пляжа. Ни одна звезда кинематографа даже в Каннах не привлекала к себе столько внимания. С дальних краёв пляжа стали подтягиваться любопытные. В синих семейных трусах я подошёл к кромке приобя, пробежался и бухнулся в воду.

Водная часть шоу собрала ещё больше зрителей. Я плавал то кролем, то брассом, то на спине. Я нырял и выныривал, выпрыгивал из воды и танцевал на хвосте. Соврал, на хвосте не было.

Я вышел на берег в ожидании аплодисментов. Но вокруг стояла тишина. Подошёл к сумке: надо было чем-то вытереться.

Достал ярко-розовый бюстгальтер, чуть отстранил от себя и навёл его на солнце, чтобы убедиться в его wet-пригодности.

По пляжу пронеслось тяжкое «ой-ё».

Я стоял со знаменем-лифчиком цвета фуксии в руках и выдерживал мхатовскую паузу.

Вторым извлечённым из сумки предметом оказалась чёрная штучка в кружевах по периметру. Нечто подобное я видел в одном немецком фильме на кассете VHS. Вроде нормально – для вытирания пойдёт. Я приложил это чёрное с ляжками к животу. Совсем рядом заплакал ребёнок. Я вытерся и лёг прямо на гальку погреться, подложив ядовито-розовый лифчик под голову.

Меньше чем через минуту на меня легли две тени.

Вынул затылок из чашечки лифчика. Передо мной стояли два спасателя. Я приподнялся на локте:

– Мужики, дайте закурить!

Чуть позже, выслушав мой рассказ о приключениях в их гостеприимном городе, они пригласили меня к себе на станцию, набулькали стопарик, угостили бутербродами, дали немного денег и пачку сигарет.

Довольный, я поехал на автобусе на главпочтамт. Там меня уже ждал перевод.

С билетом на завтрашний рейс я провёл комфортабельную ночь в аэропорту на отличного качества картонной коробке из-под телевизора, расстеленной прямо на бетоне зала ожидания. Завистники перешагивали через меня в поисках места, где можно было бы досмотреть свои прерванные сны.

Когда взлетал самолёт, я посмотрел вниз на удаляющийся город, пытаюсь разглядеть полюбившийся мне пляж. Но самолёт стремительно набирал скорость, начались облака, и я занялся тем, чем занимаются пассажиры всех авиакомпаний мира: стал думать о хорошем и о Боге.

Любому лётчику известно, что самолёты летают не на керосине, а на молитвах их пассажиров.

День рождения пони

В году примерно 2012-м я занимался организацией общественных мероприятий с надувным аттракционом «Зорб». Зорб – это гигантский пластиковый пузырь, в котором можно скакаться с горки или поплухаться на воде. Народу нравится.

Однажды летом мне позвонила знакомая из ивент-агентства: «Сергей, выручайте, срочно нужен зорб на завтра! Клиент попался капризный, ежеминутно меняет свои хотелки, уже не знаю, что предложить. Вот предложила зорб. Они согласились, мол, хоть увидим, что это такое. Сможете приехать? Там день рождения у шестилетней девочки. Детей немного, не более пятнадцати. Точка сбора – Серебряный Бор».

Шесть лет – круглая дата, надо отметить чем-то круглым. Поехал сам с инструктором, так как второй помощник за пять минут не нашёлся, а тут «горящее» мероприятие.

Приехали, распаковались, важно надулись, откатились до условленного сигнала в указанные кусты.

Стали сворачивать кабель – прибежал охранник:

– Осторожно! Вы что, не видите? Это же трава газона!

Я опустил голову: действительно, по всему участку располагалась трава газона.

– Да, я вижу. А как совместить наше внезапное нахождение за кустом и не подведённые к кусту дорожки? А?

Охранник молчал. В его обязанности, видимо, входило беречь и лелеять траву газона, а тут на траве газона творится Ад и Чистилище.

– Не переживайте, мы аккуратно. Траву газона не помнём, на хозяйском столе в салате будет смотреться как свежая.

Я огляделся. Обычное жилище обычных обитателей Серебряного Бора: безликое бетонное трёхэтажное здание, в случае войны или осады боевиками конкурентов готовое превратиться в бастион. Стекло и бетон – всё как мечтала Вера Павловна в четвёртом сне.

Рядом с флигелем суетилась съёмочная бригада.

– Мужики, вы с какого канала? – спросил я.

– Да мы ни с какого. Фильм-постановку будем снимать. «Буратино». В ролях – именинница и её гости. Минут через десять начинаем.

Ровно в назначенное время в доме раздались командные крики, зовущие в атаку, и на крыльцо горохом высыпались дети.

Они не кинулись к киношникам, не бросились врассыпную, не стали повисать на перилах, прыгать, скакать, толкаться. Они стояли и ждали команды.

– А сейчас, дети, мы будем сниматься в кино!

Дети смотрели на высокую полную даму в чёрном и, щурясь, старались скрыться от палящего солнца под навесом её невероятной груди. Не улыбаясь, они ждали распоряжений.

Начались съёмки. Дети ничего не понимали напрочь. Зачем этому мальчику прилепили длинный нос? Почему другому привязали собачий хвост? Почему носом надо макать в какую-то колбу с фиолетовой жидкостью? Дяди взрослые, дайте нам побегать по траве газона, ну что вы от нас хотите?

Кроме нас и кинематографистов из увеселительных мероприятий были заявлены ещё два грустных пони – мальчик и девочка, с группой аниматоров, переодетых в мушкетёров.

Надеюсь, у киношников нет задания дожидаться, когда имениннице стукнет двадцать лет, и они тут же, чтоб два раза не вставать, начнут съёмки великого произведения Дюма?

Оказалось всё проще: люди в плащах и шляпах будут катать детей на пони по аллеям и дорожкам безо всякого сценария.

Тем временем киношники пытались что-то втолковать детям, а статс-дама в чёрном искала какую-то Леночку. Она то вбегала в дом, то перевешивалась через балконные перила второго этажа, то выныривала из подвала: «Леночка! Вы не видели Леночку?» И снова скрывалась в лабиринтах форта.

Детей, переодетых в костюмы из какого-то чуждого детства, выстроили на крыльце.

– Леночка! – лопнуло где-то из винного погреба. Наступила тишина.

Тут мальчик-пони тяжело и протяжно охнул, и у него встал хуй.

То ли от предчувствия скорого погружения в пучины карусельного Ада, то ли от присутствия рядом девочки-пони.

Не успело эхо изнасилованной души животного затеряться в кустах, как взрослые, закрывая панораму разврата от детских взоров руками, молескинами и остальными кринолинами, стали разворачивать их лицами к парадному входу в крепость: «Ой, мы же там забыли самое главное!»

Что для мам в этот момент являлось самым главным, я не знаю, но детей эвакуировали оптом, вдавливая их в распахнутый портал подальше от кошмарной реальности.

Дети, повинувшись природному любопытству, старались обернуться, протиснуть головы на свободу и досмотреть историю про пони до конца, не понимая: что же пошло не так и почему взрослые внезапно закипели?

Конец пони угрожающе увеличивался по всей длине живота, мальчик цокал копытами и пытался сорвать уздечку.

На крыльце выросла дама-скала: «Немедленно прекратить! Здесь дети!» Её указующий перст вонзился в небо, и все вокруг виновато поняли, что дети – это ангелы, им такое нельзя.

Девочка-аниматор, припадая в книксенах, затараторила извинениями-прощениями, клятвенно уверяя чёрную леди, что сейчас всё будет улажено, пони добрый, он просто так радуется. Она так запуталась в своих оправданиях, что в итоге всё вышло, будто она сама оказалась причиной возбуждения пони-мальчика: «Это я виновата, что у него встал член!»

В секундной тишине родители, перестав проталкивать детское мясо в жерло мясорубки-крепости, резко обернулись на последнюю фразу. «Мать вашу!» – вполголоса выругался мой инструктор. Родительская группа развернула свой корпус на нас. Дети облепили все окна первого этажа и плющили любопытные носы о стекло, за которым разворачивалось действие невиданной пьесы, намного интереснее, чем та, предыдущая, про какого-то деревянного мальчика-мутанта.

Девочка-аниматор стояла молча, осенённая крестом мушкетёрской бутафории на груди, и ждала приговора.

И тут на крыльцо выбежала девочка-именинница в ослепительно-белом платье, огромном банте-махаоне, вцепившемся в её голубые волосы-парик: «Мамочка! А кто такая Мальвина?»

Голубоволосый ангел вернул всех к действительности, и родители заторопились внутрь особняка.

– А сейчас всем быстро есть и пить! – трубила чёрная женщина-ферзь.

В зорбе детям кататься не разрешили. Они потом подходили в своих костюмах-тройках, поправляли бабочки и тихонько спрашивали: «А можно потрогать? А это безопасно? Руки потом надо мыть?»

Начало смеркаться. Мы быстро собрались и уехали в своём мерседесе-спринтере.

Из окон цитадели вылетали яростные форте, заглушающие всю недавнюю неловкость и мерзость, сотворённую горе-развлекателями в такой святой день. В освещённых окнах не было видно скачущих детских силуэтов.

Уже поворачивая за угол, я заметил, как чья-то крупноформатная фигура в окне второго этажа отодвинула портьеру и по-хозяйски оглядела территорию.

Вечерело. Вдалеке колосилась трава газона.

Животные упоротые

Лейтенантом я получил квартиру в бараке. Ну, такой барак на четыре семьи в Богом забытом дальневосточном гарнизоне: две квартиры с одной стороны и две с другой. Стенки в доме были покрыты вечно пачкающей штукатуркой. В принципе, эта штукатурка и была стенками. Можно было с соседями в крестики-нолики играть: ты им крестик, а они тебе нолик с той стороны выдавливают.

И тут ко мне жена приезжает. А я уже полгода без. И началось. Хотя что там может в 24 года начаться? Там кончиться никак не может: раз за разом, курить во время секса приходилось – не успевал до кухни добежать.

А за стенкой жила соседка – недавно с зоны откинулась, за убийство сидела. В части меня каждое утро подкалывали: «А ты чего на построение пришёл? Тебя тётя Света ещё не зарубила?»

Оказывается, семья, которая жила в этом бараке до меня, экстренно оттуда эвакуировалась. В одного тётя Света топор метнула, на другую с ножом набросилась. Поэтому мне и досталось свободное жильё. А то.

Но, несмотря на такое близкое соседство, тётю Свету я ни разу не видел: служба, наряд за нарядом.

...С первыми лучами солнца наконец-то откинулись и мы.

И тут такой ор за стенкой: «Убью нахуй! Ёбаные твари, всю ночь ждала, когда вы там наебётесь уже, животные упоротые!»

Сразу же громовой стук в дверь, аж в печке потухший огонёк начал разгораться.

Я вскакиваю, натягиваю труселя, распахиваю дверь, а там вестник Ада какой-то: небритая бабища килограммов за сто, халат-самобранка, волосы-пакли в стороны – точно летела, глаза «Кровавая Мэри» – кровь с самогоном, в руках топор ржавый.

Бабища набирает в рот воздух, чтобы сдуть наш пороссячий домик своим отборным зоновским матом ко всем чертям собачьим. В этот момент сзади ко мне подходит жена, обнимает меня и спрашивает, ещё не видя всадника Апокалипсиса:

– Серёжа, а кто это там?

И тут тётя Света открывает рот ещё шире, ещё, ещё и вдруг сдувается, как воздушный шарик. Стоит и смотрит на нас, вторым подбородком дёргает, ну как ребёнок, у которого новогодний подарок украли:

– Вы... Вы суки ёбаные... Вы такие красивые...

Обмякла, стекла тут же на наше крыльцо, гулко откинула голову о дверной косяк и зарыдала, подняв к небу выгоревшие белёсые глаза.

ШТОПАНЫЙ НОСОК

Поскольку отец был военным, то в доме существовал культ чистых воротников и стрелок на брюках. Мама у меня так до сих пор и осталась енотом-полоскуном. Одежды на спинках стульев я никогда не видел: любая снятая вещь тут же летела в стиральную машину. Сколько раз я приезжал в училище в мокром! Потому что не успевал предупредить маму, что забежал на пару часиков, а в 23:00 мне уже надо быть в училище.

Так что и в детстве, будучи прилежным учеником второго класса, я всегда выглядел очень аккуратно. И вот как-то на уроке труда сообщили, что завтра мы будем штопать носки, которые принесём из дома. Я шёл и думал о том, как же выглядит штопанный носок. Никогда его не видел. Жили мы небогато, да и какое богатство может быть у воспитателя детского дома и лейтенанта, не выползающего из автономок? Но в нашей семье носок с дыркой немедленно летел в мусор. Никто его не зашивал и не штопал. Так что мама достала из шкафа чистые носки и с помощью маникюрных ножниц принесла маленькую жертву во имя гранита знаний и учебного света, пробивающегося сквозь зимние шторы моей школы.

И вот я понёс испорченный носок на урок безжалостного труда. Январь искрился, Северодвинск выглядел выстиранной скатертью, так что страшно было на неё ступать. Я шёл по тротуару и щурился от низкого солнца. И тут мне явилось чудо. Оно двигалось на меня в огромном полупрозрачном облаке радужного снега, солнце высвечивало только контуры этого чудо-агрегата. Снегоуборочная машина ехала прямо мне навстречу, вращая валами-щётками и осыпая всё вокруг себя сахарной пудрой. Меня охватил экстаз, как если бы я увидел НЛО, вызывающее меня на контакт.

Я подошёл к самой кромке тротуара и зажмурился: сейчас меня захватит это облако снежной пыли, а я вдруг открою глаза и увижу себя всего белым-белым снеговиком. Вдруг мне в лицо рубанула струя чего-то холодного и липкого. Открыв от перепуга глаза, я понял, что стою в центре гигантского фонтана грязи. Он охватывал меня со всех сторон, небо стало чёрным.

Из всех мест в стране я выбрал именно это – грязную вонючую лужу, которой меня окатил снегоборщик-НЛО. Я оказался в нужное время в грязном месте. С меня стекала жижа, заливалась за воротник и, намочив шарф, мерзким ручейком проникала внутрь, к животу. Стало безумно холодно. Я развернулся и ломанулся обратно домой, оставляя на кипельно-белом снегу грязные следы и пятна.

Дома я всю одежду сложил в ванной и стал ждать маму. Ближе к вечеру поднялся к соседке-однокласснице и попросил её рассказать, что они всё-таки делали на уроке с дырявыми носками. Лена выкрутила лампочку из настольного светильника, натянула на неё носок и принялась штопать: сначала прошила контур тряпичной раны, потом нитками крест-накрест закрыла дырку. От увиденного мне стало ещё хуже: я никогда это говно не надену.

Вечером пришла мама, батя вернулся со службы. Я повёл их в ванную и показал следы своего необдуманного поступка. Родители меня никогда не ругали. И в этот раз не ругали. Особенно когда я рассказал про эту снежную машину, окружённую настоящим северным сиянием.

– А что с носком делать? – спросил я у папы, когда посвятил его в свои проблемы с уроками труда. – Его же не я штопал.

– Принеси в школу и скажи учительнице, что штопала Леночка, но зато ты знаешь теперь, как это делается.

На следующий день по пути в школу я осторожно прокрался к месту трагедии. Рабочие уже заштопывали порванную вчера канализацию. Я быстро пробежал мимо и как можно дальше.

Да, за дурацкий носок мне поставили четвёрку – всё-таки не моя работа.

К чему я вспомнил эту историю?

Сегодня увидел замечательный ролик, в котором огромный комбайн бороздит бесконечные просторы жнивья. Из огромного сопла мощным потоком льётся золотистое зерно урожая. Шурша и переливаясь на солнце, оно низвергается в закрома Родины. Ну и немного мимо. Так, малость.

Если бы мне попалась эта кавалькада во втором классе, я обязательно бы под неё подлез. В дырявом носке или без. Я оказался бы в облаке золотистого зерна, осыпавшего меня новым урожаем будущего хлеба...

И непременно там оказалась бы огромная нассанная лужа. Каким-нибудь диким и бессердечным животным, которое неделю искало место, чтобы натужно это сделать, и отвязалось по полной схеме. Оно стояло бы в этот момент неподалёку и тихо стонало, запрокинув рога в небеса: «Какие же люди идиоты!»

В Питере – пить

Расскажу вам неправдоподобную историю про Питер. Там алкоголя мало было, но именно он явил мне чудо.

Летом 1988 года у нас закончилась практика в городе Лиепая. Хороший город: и янтаря пособирали на закрытой территории воинской части, и на фашистской дискотеке потанцевали под трогательные марши, и «Рижского бальзама» хлебнули. После чего нас отпустили в отпуск. Я прилетел из Риги в Ленинград. Оставалось преодолеть расстояние Ленинград – Архангельск.

Это сейчас летают полупустые самолёты и ездят полупустые купе, а тогда кассы были заколочены крест-накрест досками, а при входе в здание любого аэропорта висела мраморная табличка «Билетов нет». Их не было в принципе, но люди летали. Как? Не знаю, но внутреннее пространство аэропорта Пулково представляло собой колышущееся поле голов. Сразу от входа и колыхалось.

Комендант аэропорта горестно глянул мои проездные документы и огласил вердикт: «К ноябрю улетишь. Наверное. Или нет. Наверное, нет». А у меня август. И в календаре, и в душе. Зачем мне ноябрь? Простоял весь день в этой людской бане, бросаясь к выходящим и входящим: «Нет лишнего билетика?»

День на второй я уже был готов лететь в любой город страны, только поскорее из этого аэропорта. Люди там уже все знали друг друга, здоровались, оставляли детей и вещи под присмотр, штурмовали кассы, перебегая от одной таблички «Закрота на обед» до другой «Ушла на базу».

Вообще, всё население коммуны «Пулково» было одной очередью. Узнать последнего в ней не представлялось возможным: места в очереди передавались по наследству. Здесь росли, знакомились, выходили замуж, растили детей и иногда улетали. Улетавшие были осеяны нимбом мучеников и счастливых, как в фильме «Остров везения» с Шарлиз Терон, вышедшем много лет спустя, в котором жители-клоны в белых одеждах отправлялись на органы настоящим владельцам тел. Мне было уже всё равно, что там дальше, но жить стоя третьи сутки было просто невыносимо. Спать тоже приходилось стоя, опираясь на локти таких же спящих недопассажира.

Под вечер третьих суток я решил остаться жить в Питере. Ничего другого в мою голову не приходило. Я сел в автобус и вышел где попало.

Автобус довёз меня до буквы «М». «Во! Надо хоть питерское метро глянуть, вдруг там так же красиво и помпезно, как в московском?» Ожидания меня обманули. Если определить питерское метро одним словом, то вот оно: «Крематорий». Печальные фигуры людей, тихо передвигающиеся мимо закрытых створками провалов. Тишина. Скорбь. И вдруг по одну сторону разверзается Печаль и оттуда вываливаются... нет, не гробы, как ожидалось, а такие же тёмные сущности людей, за которыми следом вваливаются те, кто только что стоял со мной рядом. Интересно, газ в вагонах включают на каком расстоянии от станции? Чтобы те, кто остался на платформе, ничего не заподозрили и безысходно ввалились во вновь подошедший поезд бессмертия?

Проехал несколько станций, вышел наугад. На этой платформе оказались мраморные скамейки. Пустые! После пулковского Ада увидеть пустую скамейку – это такое же чудо, как если рыбак, проживший на оторванной льдине и сожравший ремень, обувь и товарища, вдруг выловил авоську с деликатесами из «Елисейского». Я шагнул и упал на деревянную столешницу скамьи. Сразу захотелось лечь и выспаться за все три дня противостояния, но не позволяла гордость защитника Отечества. Прислонился спиной к стене метрополитена и на секунду прикрыл глаза.

– Как я устала!

– Не говори, надо было Николаю позвонить, он машину бы нам предоставил.

– Я наверх уже не поднимусь. Сяду с парнем тут и не двинусь с места!

Я открыл глаза. Передо мной стояли две молоденькие девушки, довольно успешные в своей внешности, а рядом стоял огромный чемоданище. Сейчас к чемоданам на колёсиках и с выдвигающейся ручкой все привыкли. Но в те времена явление такого агрегата было сравни приземлению летающей тарелки. Это девушки с Альфы Центавра, не ближе. У землян таких предметов в обиходе быть не может.

– Молодой человек, вы не можете поднять чемодан на поверхность?

– Да, конечно.

Я поднялся, спортивными руками схватил чемодан-НЛО и рванул к эскалатору. Вышли к автобусной остановке.

– Вы в аэропорт?

– Да, в отпуск летим в Крым.

– А я вот на север улететь не могу. Вот кому летом нужен Архангельск?

– А что, билет нельзя купить?

Тут я полностью убедился, что на Альфе Центавра всё настолько запущено, что они своих командированных на Землю не инструктируют.

Довёз девочек до аэропорта, помог им сдать багаж, окинул взглядом позавчерашние головы и успокоился: все на месте, даже в том же порядке.

От нестерпимой духоты вышел наружу. К центральному входу подходили автобусы, из которых выпрыгивали люди, которых тут же поглощал Молох аэровокзала. Как они там все помещаются?

Сознание начало прогонять мимо меня галлюцинации, спасаясь от которых я снова поехал в город.

Добрался опять до случайной остановки, вышел. Пыль, солнце, ветер. Сигареты. Во, надо купить. В киоске сдачи не оказалось, пришлось взять две пачки.

Сел в трамвай без номера, совершил трамвайную экскурсию по городу, но ничего не запомнил.

– Выходи, конечная, – сказала мне весёлая вагоновожатая.

Я вышел. И пошёл. Пошёл дождь в смысле. Пришлось забежать в какой-то двор-колодец и спрятаться в подъезде. Больше нигде я не видел таких подъездов-стаканов: высокие окна, пролёты с семиметровыми потолками, чугунные перила.

Дождь закончился вместе со световым днём. Наступил вечер.

Это не те южные крымские вечера, когда хоть глаз коли. В августе вечера в Питере жидкие, как столовский суп: плавают огрызки подсвеченных облаков, по небу рассыпаны хлебные крошки бледных звёзд. Уныние 80-го уровня. Ни лягушка, ни зверушка, ни день, ни ночь. Собачьи слюни.

Посмотрел на часы. Два ночи. Иду по тротуару. Улицы пусты, звуков никаких, хочется спать до такой степени, что готов вернуться в тот подъезд, отжатый большевиками у буржуев, и там поселиться.

– Молодой человек!

Культурная столица, что с неё взять? А где привычное «слышь, ты»?

– У вас закурить не найдётся?

Тут надо сделать лирическое отступление для тех, кто родился в декабре. Раньше все магазины закрывались в 19:00. Иногда в 20:00. Совсем иногда некоторые в 21:00, но это был один магазин на весь город с населением более миллиона жителей. Остальные магазины работали до 19:00. Купить что-либо ночью ни одному вменяемому человеку не приходило в голову:

такой услуги в стране не было в принципе. Не то что не было, а её не было вообще никогда и нигде.

– Есть.

– Ой, спасибо! А то мы тут загуляли – гости приходили. И сигареты закончились.

От арки чёрного провала двора отделились две тени, на свету оказавшиеся парой сорокалетних людей – мужчины и поддерживающей его женщины.

– Вот вам пачка, чтобы до утра не страдать.

– Как? Миша, проснись, целую пачку нам дают! Вот, возьмите деньги!

– Спасибо, у меня есть свои. Курите и отдыхайте.

– Миша, а почему бы нам не пригласить молодого человека в гости? Вы же до торта так и не дотянули, а я так старалась!

Через пару минут мы все сидели при свечах за журнальным столиком и пили чай с тортом. Хозяйка периодически скрывалась на кухне, домывая послегостевую посуду.

– А вы чем занимаетесь? Учитесь, работаете? – завела она светскую беседу.

– Я учусь в военном училище. Закончилась практика, пытаюсь улететь в отпуск.

– А какое училище? – уточнил хозяин Миша.

– Военно-морское. В Севастополе. Имени Нахимова.

– ...Галочка, – у Миши задрожали губы, – Галочка, иди сюда! Нет, Галочка, захвати в шкафчике водку и немедленно сюда!

В комнату вбежала женщина с девичьим именем и початой бутылкой водки.

– Галочка! Он в ЧМУПСе учится!

Женщина обхватила лицо руками и присела на край дивана. Я внутренне напрягся. Что происходит? С чего бы ленинградец назвал моё училище «секретным словом» – так, как называем его мы?

– ...А это я на третьем курсе, – через пять минут весело тыкал пальцем в семейный альбом Миша. – А это мы в самоволке на Песочном! Там блядорий.

– Миша!

– Ой, извини, санаторий ещё действует?

Оказывается, он тоже окончил ЧМУПС – как будто в Ленинграде мало военно-морских училищ. И, послужив по окраинам Родины, осел в родном Ленинграде.

Увлекательный рассказ Миши потихоньку сбавлял обороты, мощный мотор его голоса звучал всё тише и тише, пока не заглох.

Мы с Галочкой осторожно расстелили Мишу по дивану, она прикрыла его пледом и выключила свет.

– Серёжа, уже почти утро, ложитесь спать в гостиной. Миша позвонит утром нашему другу, он поможет вам с билетами. Как прекрасно прошёл вечер!

Утром меня разбудил жизнерадостный голос Миши, заправленный, по всей видимости, соляной, преподнесённой с утра Галочкой. Жёны военных – это особая категория женщин, пронёсших через клоповники гарнизонов нежность и заботу, не угасающую годами.

– Сейчас приедет мой друг Коля. Коля может всё! Не просто всё, а то, чего не может даже... В общем, Коля может всё, даже... Галочка, скажи, что может Коля?

– Коля может всё.

Я согласно кивал на каждом слове «может». Будучи материалистом, я понимал, как устроена Матрица, но в тот момент был готов поверить в любую мистику, даже в силу слова «всё».

Минут через двадцать, когда я тайком запихал в рот кусочек лимона, вынутый из чая, в дверь позвонили.

В комнату вошёл человек лет тридцати.

– Сергей? Очень приятно. Поехали, рейс через два часа, успеешь зарегистрироваться.

– А к кому мне там обращаться?

– Ко мне. Я тоже еду: надо знакомых проводить, им не как тебе, им на юг.

В здание аэровокзала мы вошли через гинекологический служебный вход с фаллопиевыми трубами. Я семенил за Колиной спиной и толком ничего не понимал.

– Давай военный билет и стой тут.

Через пять минут ко мне, внematочно стоящему под свисающей подёргивающим светом лампой в решётчатом абажуре-футляре, вернулся Коля. За собой он катил такой же космический чемодан на колёсиках, который я видел накануне.

– Помоги мне его на второй этаж поднять.

Мы подошли к стойке регистрации.

– Коля! Как ты вовремя! Серёжа, а ты как тут оказался?

Коля с удивлением смотрел то на меня, то на девочек.

– Коля, нам Серёжа вчера помог сюда добраться и сдать чемодан в багаж. Спасибо, Серёжа!

Меня, как в дешёвой комедии, два ангела расцеловали в обе щеки одновременно.

– Хорошего отдыха, девочки! – прокричал убегающим по посадочному коридору отпускникам Николай. – А тебе сюда.

– Николай, спасибо, без тебя я бы так и остался жить в Питере.

– Всё нормально. Миша – отец моей жены. Но с ним ещё и друзья, он замечательный человек. Звони, если будут проблемы. Счастливо.

Вот так в огромном городе случилось неслучаемое. Если бы Миша с Галочкой не остались среди ночи без сигарет, то я бы с ними так и не пересёкся в этой жизни. И в Питере было бы на одного бомжа больше.

И на несколько бутылок меньше.

Ведь в Питере – пить.

Позови меня на свадьбу

Когда я учился во втором классе, мы с мамой снимали комнату в северодвинской квартире на улице Мира. Очень строгая хозяйка с дочкой-шестиклассницей обитали в большой комнате, а мы – в маленькой. Жили дружно. За деньги всегда дружно живётся.

Шестиклассница мне тогда казалась секс-символом города. Про секс я ещё, конечно, ничего не знал, да и слова такого не слышал. Но в моих глазах она была взрослой женщиной.

Как и всякая взрослая женщина, она была безумно влюблена. Её пассией оказался мужик, тьфу, восьмиклассник из соседнего подъезда. Она каждое утро прибегала к нам в комнату, как раз когда мама уже выходила на работу, и расплющивалась о стекло. Высматривала, как пацан будет выходить из подъезда. Я в то время про такие страсти не знал и сам ни к кому не испытывал, поэтому следил за развитием сюжета с огромным вниманием и любопытством.

В свободное от неразделённой любви время она разговаривала со мной о болонке. Это была её вторая и единственная мечта всей жизни. Все обложки её тетрадок и альбомные листы были изрисованы мохнатой мордой. Болонки я не любил, потому что в то время это была чересчур модная порода и их в городе было на порядок больше, чем жителей.

Когда её мама возвращалась с работы, Нина (во, имя даже вспомнил!) начинала канючить:

- Мамочка, ну давай болоночку купим...
- Нина, сколько можно?
- Мамочка, я хорошо учусь, по дому помогаю, давай купим?
- Ты наиграешься и бросишь, а мне потом её выгуливать, кормить, мыть, поливать.
- Ну мамочка...

Такой петлевой сценарий. За полгода я уже сам эту сцену мог проговаривать их голосами.

Количество рисунков над столом Нины росло, а мальчик продолжал каждое утро выходить в школу. Ничто не предвещало беды.

В этот день я услышал топот ног по лестнице, грохот ключей и протяжное «А-а-а-а!» Нины.

Пробежав весь коридор, она ворвалась в кладовку, а я подошёл и, немного послушав, сел под открытую дверь.

Кладовка – это не то, что вам подумалось: в нашу кладовку спокойно помещались односпальная кровать, тумбочка, куча полок и даже радиоточка. Такое место-купе проводника, только без окна.

Нина плакала. Вся в слезах, она держалась за ляжку, высоко задрав школьное коричневое платье. Слезы лились из глаз, лицо скукожилось, как тряпочка для протирки столов.

- Нина, что с тобой?
- Это всё он! Ненавижу его! Ненавижу!

Со стен полетели его фотографии. Ну, как фотографии – что там можно было снять на «Смену-8М»? На таких фотографиях себя можно узнать, если помнишь, где стоял и кто рядом с тобой был во время щелчка затвора фотоаппарата. Тем не менее фантом её возлюбленного срывался со стен и крошился в длинные полосы. Шредер тогда ещё не изобрели, Нина могла бы вполне стать его прототипом.

Радиоприёмник цвета слоновой кости радостно верещал о правильных пионерах, которые собрали много металлолома, сдали его Родине, которая его расплавит и сделает паровоз, вот! И назовёт его «Пионерский».

Нина плакала. Вот именно плакала, а не рыдала. Не навзрыд, а тихо, со всхлипами, беззлочно проклиная восьмиклассника. Потом она затихла, встала, пошатываясь, обняла дверной косяк:

– Серёжа, помоги мне убраться, мама скоро придёт.

Я зашёл в купе. Все фотографии молодого человека были порваны на длинные полоски. Эти полоски полностью закрыли весь пол, валялись на тумбочке, на кровати и на подушке.

Такое складывалось впечатление, что Родина всё-таки выплавил тот паровоз и он только что пронёсся через нашу кладовку.

Собирал их все я один. Она начинала собирать тоже, но срывалась в своё «ненавижу» и тыкалась лицом в подушку.

И тут пришла её мама.

– Что у тебя с лицом? Ты себя видела? Ты что, четвёрку получила? Тройку?!

– Ничего я не получила.

– Тогда что?

Нина кусала губы.

– Говори, что случилось!

Нина молча задрала юбку, и мы все увидели высоко, почти у самых трусиков, яркий вдавленный след как будто от маленькой подковки.

Словно её эльфийский коник лягнул.

– Это что такое?

– Хулиганы.

– А кто именно?

– Не знаю!

И тут Нину опять прорвало, она упала в подушку и, икая, затвердила своё «ненавижу». Спина тряслась, руки закрывали лицо, сквозь пальцы текли слёзы.

Её мама стояла в растерянности. Она работала маляршей на судостроительном заводе, и растрогать её было нереально вообще никогда и никому. Такая женщина-агрегат, Нонна Мордюкова шахтёрского периода. Статуя незыблемости, оплота и покоя.

– На тебе десять рублей, иди купи болонку, – отчеканила мать.

К слову сказать, мы за комнату платили пятнашку. Это были большие деньги. Моя мама получала сотню на руки.

Нина перестала плакать, оторвалась от горя. Но радости на лице не было. Мать развернулась и ушла на кухню готовить ужин.

Я сидел с Ниной на кровати и молчал. Радость за болонку была какая-то ненастоящая. Вчера мы бы с ней на ухах стояли от радости, а сейчас болонка казалась какой-то хренью.

– Нина, так что случилось-то?

– Я после школы дождалась, когда он будет выходить, и пошла впереди, чтобы он видел. Он с друзьями шёл, они мне всякое обидное кричали.

– А он?

– Он ничего не говорил. Он достал рогатку и выстрелил мне вот сюда алюминиевой шпулькой. Так больно было! Я чуть не закричала. Но обернулась, улыбнулась ему и сказала: «Не больно!» Это уже у подъезда почти было. Еле дошла, так жгло, что с трудом ногу переставляла. А как вошла в подъезд, сразу заплакала.

– И что теперь?

– Завтра утром посмотрю, как ему не стыдно будет из подъезда в школу выходить.

Но утром она не пришла на наблюдательный пункт в нашу комнату.

Болонку так и не купили. Нина, подумав, отказалась от подарка. Её мама взяла червонец, положила в небольшую картонную коробку и сказала:

– Это твои деньги. Не потрать их на ерунду.

Так Нина стала ещё и самой богатой девочкой школы. А может, и района.

Через несколько дней Нина протиснулась в комнату:

– Серёжа, идём в кладовку, я тебе что покажу!

Я быстро оделся и побежал по коридору к кладовке. Нина сидела на кровати и держала в руках какой-то мохнатый бумажный ком.

– Ну как, похоже?

Я вгляделся: на меня смотрела морда болонки, сделанная из тонких полосок бумаги. Вот прям как настоящая! И глаза-бусинки пришиты были. И язык алый торчал лопаткой.

– Ух ты! А как ты сделала?

Я подошёл поближе и обомлел: морда собаки была собрана из тех самых полосок, которые Нина тогда нарвала и которые я убрал под кровать, чтоб мама не нашла и не задавала лишних вопросов.

Сквозь бумажную мохнатость на меня смотрел хулиган Саша. То одним глазом, то всем лицом, то просто силуэтом. Везде виднелись то руки, то ноги, то плечи, то гитара.

Нина в этот день была весёлой и смеялась. Красивая взрослая женщина, пережившая предательство.

Вечером мы сидели на её кровати, Нина делала уроки и болтала вслух всякую чепуху. Саша ушёл в прошлое, теперь она с девочками выращивает в теплице какой-то пион, и скоро его повезут на конкурс. Круглые буквы аккуратно ложились на тетрадный листок. Нина была отличницей и всё делала очень красиво. Моим почерком можно было только на заборах писать – у меня никогда слова не помещались в строку. Доходили до полей и расплющивались, как пионерский поезд, налетевший на БАМ.

Девичью болтовню прервала радиоточка:

– А сейчас по многочисленным заявкам в нашем эфире звучит песня «Позови меня на свадьбу».

Зазвенели инструменты, певица запела про любовь.

Буквы на тетрадном листке замедлили свой бег. Рука перестала метать бисер.

«Видно, просто не дождалась мы любви», – тянул голос из пластмассовой коробочки.

– Саша-а-а-а-а! А-а-а-а! – Нина выронила ручку и, схватив подушку в охапку, заревела в неё в полный голос. Истошно, как на похоронах.

Она рыдала и стонала, то отрывая голову, чтобы набрать воздуха, то опять обрушивая своё горе в пух и перья.

Я незаметно слез с кровати и тихонько вышел, оставив дверь открытой.

В конце коридора у тумбочки с телефонным аппаратом сидела мама Нины с поджатыми строгими губами, хаотично поправляя на себе передник.

Наши взгляды встретились. Я впервые увидел в её железобетонных глазах навернувшиеся слёзы. Она отвернулась. А я тихо зашёл в свою комнату.

Наверное, все девочки так выходят из детства. Бедные. А потом им ещё и рожать. Пойду-ка я пива куплю.

Тайны дамской сумочки

Однажды я видел содержимое дамской сумочки.

Это было настолько внезапно, что я до сих пор уверен, что стал соучастником преступления.

Светлана Владимировна была существом высшего порядка. Божеством с удивленно-печальным взглядом, читающим лекции по политэкономии в оконное стекло. Рассказав окну благоглупости про денежно-товарное устройство окружающего мира, она устало оборачивалась к нам, курсантам, и отрешённо не могла понять, почему мы ещё не умерли от тоски и безысходности. У неё были пухлые влажные губы. Мясистые, если так можно сказать о губах. На её рот можно было смотреть, не отрываясь, часами. Ярко-оранжевая помада гуляла в уголках рта. Она то слипалась, чтобы мы поняли: в мире не всё так просто. То размыкалась, чтобы мы осознали: если честно, то пиздец. За этим крахом логики мира я и наблюдал весь курс политэка.

Светлана Владимировна редко садилась на стул, несмотря на свою купеческую фигуру. Приводя в движение миллионы складок на широкой юбке, она проплывала от стола к окну и обратно, иногда теребя верхнюю пуговицу блузки.

Так это всё и случилось. Она курсировала, а я следил. Рука непроизвольно стала производить ритмичные движения, я тяжело задышал, волосы на лбу намокли, но остановиться уже не мог. Было безумно стыдно, что кто-то увидит, особенно она. Сами понимаете, это очень интимно, когда ты влюбился в женщину, но ты молод, а она замужем, ты – продолжение плаца, а она – преподаватель. Мои движения ускорились, в классной тишине предательский шорох вдруг привлёк её внимание.

– Товарищ курсант! Вы что там делаете?

И все повернулись в мою сторону. Пришлось встать.

– А ну-ка объясните всем, что за манипуляции вы производили только что под партой!

Я встал и молча переложил конспект со своей первой парты на её стол. Светлана Владимировна почти крадучись приблизилась к приманке. Поправила очки и взяла в руки тетрадь. Страницы захрустели, вырываясь из-под её большого пальца, тетрадь остановилась на предпоследней странице.

– Портреты любимых?

Я молчал. Я не успел дорисовать её лицо. Но основные черты угадывались – она смотрела в мою страницу, как в зеркало, ещё не понимая, что это она.

– Вы... Это... Зачем? Садитесь... Спасибо, конечно, но зачем...

Наверное, её никто никогда не рисовал. С ней хотели спать, смотреть на её губы, следить за гофре-плиссе на её юбках и подслушивать разговоры с окном. Дегенераты.

Она села напротив меня, а я устался в пол, впервые увидев, что паркет в классе у нас ущербный, отциклёванный спустя рукава, со следами от наших прогар.

Вдруг тишину прервали грохот, звон, стук и хлюп падающих предметов. Я вздёрнул подбородок. Светлана Владимировна сидела прямо передо мною и, держа двумя руками свою сумочку, вытряхивала из неё содержимое. Ключи, проездной на троллейбус, две губные помады (зачем вторая, ведь ей же так идёт оранжевый!), носовой платок, серо-зелёный бумажный цилиндр, расчёска, ещё расчёска, скомканные записки, огрызок чёрного карандаша, таблетки, ещё таблетки, уже начатые, лак для ногтей, жидкость для снятия лака для ногтей, брелок на цепочке, кошелек, заколки-невидимки, десять рублей, мелочь, одна серёжка, кусок мела, обёрнутый в записку, заплёванная тушь для ресниц «Ленинград», билет на катер, кольцо из белого минерала, маленькое зеркальце, всё в пудренной присыпке, ещё связка ключей, пачка

сигарет (она курит?!), училищный пропуск... Всё это лилось, сверкая и шурша, прямо на стол. Процедуру завершили два сильных нервных взмаха над всеми этими сокровищами. Сумка опустошённо вздохнула ноздрями-створками и была отложена в ссылку на край стола.

Светлана Владимировна начала производить таинственные пассы: то ключи в руки возьмёт, то помаду, то проездной, то платок, то опять ключи. Все эти ингредиенты тасовались, перемещались, поднимались на самый верх пирамиды и опять возвращались на дно. Казалось, она готовила колдовское снадобье, такое же неудобоваримое, как и рецептура её лекций.

– Где же, ну где? Я же точно брала! – смыкалась и размыкалась помада-напалм в уголках губ.

Я смотрел то на кучу, то на оранжевые губы, которые она периодически облизывала. «Зачем ей столько вещей? И как они там помещаются? А если срочно что-то надо найти?» – в моей голове не укладывался смысл этой сумочной крошки.

– Ничего нет, – обречённо сорвалось с её губ.

Я перевёл взгляд на кучу. «Чего тут нет? Или лучше так: чего здесь не хватает? Какие ещё предметы могли бы быть здесь и оказаться полезными, если бы она случайно оказалась, допустим, на необитаемом острове?»

Сигареты, главное, есть! Вот зажигалку я не видел – наверное, в кармане. Во всяком случае, она сможет добыть огонь, соединив две линзы очков и заполнив пространство между ними морской водой. Для боевой раскраски лица всё вроде есть, она легко вольётся в племя туземцев. Ключи лишние, но их можно обменять на еду у тех же папуасов. Зеркало – вождю: мир между островами гарантирован. Так, что там осталось? Деньги бесполезны. Проездной тоже. Мел. Нужен ли на острове мел? Ну разве что дни отмечать. С такой сумочкой можно жить вечно, мел, скорее всего, закончится раньше жизни.

Таблетки – отлично. Например, от бессонницы. Ну не противозачаточные же! Роемся дальше. Так, это что ещё такое? Откуда это у меня? Бля, не у меня, а у неё! Это же я мысленно роюсь в содержимом её сумочки. Для выживания точно чего-то не хватает! Чего-то очень нужного, вот жизненно необходимого. Давай переберём кучу ещё раз.

Мы перебирали это столпотворение снова и снова – она руками, а я молча кивая подбородком. Но того, что искали, там не было.

Мы подняли друг на друга глаза. Она молчала, я тоже. Я отражался в её очках самым глупым выражением лица. Выхода не было. Надо было что-то сказать. И кто первый начнёт?

Тут бы звонку прозвучать, так всё затянулось. Или чтоб кто-нибудь чихнул. Но ничего не происходило. Или достала бы из недр чудо-горы пистолет «Беретта» и выстрелила мне в лоб – хоть что-то хорошее произошло бы. Но откуда в сумочке советского преподавателя марксизма-ленинизма пистолет? Светлана Владимировна перевела взгляд на убитую птицу-сумку, я ждал развязки.

И тут она улыбнулась той самой улыбкой, которая озаряет лица кладоискателей. Я всё понял и побежал за ситом для промывки золота. Конечно, я никуда не побежал, но очень хотелось.

Светлана Владимировна хищным движением вонзила руку в пасть Молоху, произвела пальцами гинекологическое движение и вытащила тот самый серо-зелёный бумажный цилиндр.

– Вот! На прошлом занятии вы спрашивали: является ли рубль свободно конвертируемой валютой? Сейчас я вам всё объясню и покажу. Итак, доллар.

На этих словах проснулся даже портрет Нахимова над доской.

Доллар! Мы сейчас все увидим врага в лицо! Это тот самый бакс, за который отдавала своё тело горячим финским парням героиня повести Кунина «Интердевочка»! Это то, о чём патриоту говорить запрещено, особенно патриоту, готовящемуся защищать Родину до последней пяди, локтя и остальных органов.

Несмотря на то что Севастополь был крупным портовым городом, настоящая валюта, то есть доллар, присутствовал в домах только в качестве сувениров. И любоваться им могли лишь хозяева: любая демонстрация его посторонним людям грозила приходом в квартиру швондеров и прочих угрюмых проверяльщиков.

Светлана Владимировна распрямила спину и стала торжественно разворачивать серо-зелёный транспарант. За задними столами привстали.

Развёртывание вражеского символа происходило прямо у меня над головой, я даже видел водяные знаки. «Её посадят», – пронеслось у меня в голове. Хотя у неё есть алиби: это наглядное пособие. Наверное, у этого доллара имеется не только банкнотный, но и инвентарный номер, зарегистрированный по всем правилам вещдоков.

– Вот так выглядит один доллар США...

И тут прозвенел звонок.

Она ослабила правую руку, и доллар сконвертировался в упругую трубочку, чтобы опять согнуться среди таинственных вещей сумочки Светланы Владимировны.

В следующий раз я увидел доллар в 1991 году.

Светлану Владимировну после выпуска из училища я не видел уже никогда.

В прошлом году те, с кем я учился, обманом вытащили меня на встречу с однокурсниками. Я пришёл, но встретил не однокурсников, а толстых и лысых мужиков с мешками под глазами. Пили, ели, вспоминали училище. Я услышал, что Светлана Владимировна какое-то время ещё преподавала, а потом ушла и полностью исчезла из информационного поля.

«Женщина!» – такова была её пожизненная характеристика.

– Серёга, а помнишь, как она тебя застукала, когда ты её портрет рисовал под столом? А-ха-ха-ха! Ну у тебя и вид был – такой же серо-зелёный, что тот доллар!

Документальная фотография

Документы и фото – это всегда единство и борьба противоположностей. Это первое столкновение с раздвоением личности по команде «Не моргать!».

Когда я в 16 лет получал свой первый паспорт, пришёл в фотоателье в джинсовой модной рубашке, купленной на две бабушкины пенсии. Рубашка была на медных клёпках и с огромным воротником. С хаером до плеч и пробором посередине – последствия битломании. А из-под рубашки торчала модная водолазка – самый главный козырь в конкурентной борьбе за самую красивую девушку на районе.

Сажусь в кресло, делаю официальный вид.

Фотограф отрывается от аппарата:

– На паспорт положено в галстук.

– У меня его сроду не было.

– А надо.

– Да где я его возьму? Мне 16 лет, я не на пенсионное фотографироваться пришёл.

– На, мой возьми.

И протягивает галстук в каких-то огурцах, петухах и разводах. Лилового цвета со следами побежалости.

Я повертел его, неумело повесил на шею, подтянул узел к кадыку. В таком положении сопротивляться здравому смыслу бесполезно.

– А пиджак?

– Что пиджак?

– В пиджаке положено.

– У меня дома только офицерский китель есть.

– Это на военный билет, тебе ещё рано. На, возьми мой.

Пиджак повидал в этой жизни всё: и встречи, и разводы, и «товарищ милиционер, я честно больше на скамейке спать не буду!». К тому же он был коричнево-жёлтый. Ну вот как раз под джинсовую рубашку.

– А воротник рубашки можно поверх пиджака?

– Зачем? И так красиво.

На это я возразить ничего не мог. Если человек искусства тебе говорит, что красиво, – значит, так оно и есть.

Получив квитанцию, вышел из ателье. Взглянул на витрину. Выражение лиц на фотографиях было такое, будто каждого из них застали за самым неприличным в их жизни занятием. Только пятилетний мальчик с телефонной трубкой выглядел естественно. Дети верят в назначение предметов, и этот ребёнок, видимо, честно в этот момент звонил маме по беспроводному аппарату с дисковым набором.

Секретарша паспортного стола привыкла к лицам любого социального слоя, материального благополучия и алкогольного отравления. Но, увидев мои снимки, она медленно подняла на меня глаза.

И я такой стою, руки в карманах, нога за ногу. В заднем кармане джинсов, купленных на мамину зарплату, торчит огромная, словно садовый инвентарь, расчёска, которую после причёсывания надо было демонстративно продуть.

– Я не могу принять такую фотографию. Вы посмотрите на себя.

Да что ж такое! Я на школьных фотографиях получался лучше, чем герои-любовники мирового кинематографа на обложках «Фильмшпигеля». Подхожу к столу, беру в руки ленту с моими фото и понимаю, что я впервые в жизни взглянул в лицо смерти: пережатое галсту-

ком горло, вытаращенные в пустоту глазницы, щёки, как у обезумевшего бобра, и воротник, который затмил бы весь двор Медичи, – вздыбленный до выше ушей, подобранный галстуком в какую-то страшную гармонь, надетую на шею, и сам галстук, вернее, его узел. Пиджак при этом топорщился кашеевыми плечами, меня на Кавказе овцы за своего чабана приняли бы. Чувака на фотографии словно только что сняли с виселицы после неожиданного помилования. На всём лице от уха до уха была написана фраза: «Бля! Я забыл выключить утюг!»

Еле уговорил секретаршу принять это фото: времени нет, молодость уходит. В знак великой скорби. Для этого пришлось продуть расчёску.

Но этот паспорт меня потом не однажды спасал.

Когда я после школы устраивался на завод плотником, мне в отделе кадров обрадованно сказали: «У нас как раз в бригаду гробовщиков человек требуется!»

И я почти год делал гробы, поэтому досконально знаю их устройство, принцип работы, условия эксплуатации и гарантированный срок службы.

Оставшиеся снимки из этой фотосессии тоже принесли немало пользы. Достаточно было показать фото любой девушке, как она тут же норовила погладить меня по голове: «Как же ты не погиб в 16 лет?» После чего руки мои обретали раскрепощённость, движения становились наглее.

Вторая жена за меня замуж вышла по этой фотографии, кстати. Она вообще питала слабость к бездомным котяткам.

Влажный рот

Самая читающая страна мира в середине девяностых превратилась в ещё более читающую. Наверное, мы тогда побили все рекорды вырубки лесов под литературный эшафот.

Читали книги все и везде. Глянец уже начинал потихоньку оккупировать прилавки, литературные негры килотоннами выдавали на гора словесный шлак, вошёл в моду карманный формат – покетбуки, которые можно было захлопнуть на любой странице и продолжить читать с первой попавшейся. И самым козырем, делавшим кассу книготорговцам, стали детективы и любовные романы в историческом антураже.

Мне повезло работать на этом поприще и жить за счёт него же. Я служил в частной книгопродающей фирме в качестве «старший куда пошлют». И витрины оформлял, и за книгами в издательства мотался, и в кладовке пылился, и за прилавком стоял.

Влёт шла серия «Чёрная кошка» издательства ЭКСМО. Не читал, но и не осуждаю. Два раза в неделю мы ездили за обновлениями для книжных магазинов страны. Существовала очень сложная формула взаимоотношений издательств и магазинов, когда последним было раза в два выгоднее покупать у таких, как мы, а не напрямую. Формулу, конечно, не помню, ибо гуманитарий.

Кроме того, наша фирма исполняла функции отдела продаж в книжном магазине на Пражской.

Мой отдел «Учебники и компьютерная литература» находился как раз напротив входной двери, поэтому из всех сотрудников магазина я страдал больше всех. Любой входящий сразу направлялся ко мне. Вопросы были разные, включая «У вас есть линейка в 145 градусов?». После продолжительных переговоров с применением метода показа-рассказа выяснялось, что подросток имел в виду «не, не эту, та круглая такая», и вскоре он уходил радостный с транспортом под мышкой.

Или вот ещё. Копошусь я со своими книгами, притаскиваю новые, убираю ненужные – рутина. Ко мне подходит покупательница:

– Молодой человек, дайте-ка мне роман «Унесённые в терновник».

– У меня компьютерная литература. «Виндоуз для рабочих групп 3.11» есть. Там так уносит!

Если бы я работал официально, то обязательно над головой прибил бы вывеску «Справочная» и требовал дополнительный компот на обед.

На улице паучился август, покупатели приходили загоревшие и с удивлением смотрели нас – белых братьев и сестёр, просравших лето за этими прилавками.

Стою я как-то за этим барьером от жизни, обвожу взором владения, зеваю. А в двух шагах от меня бурлит жизнь и кипят страсти. Ира из отдела беллетристики и любовных саг приклеилась слюной к бетонному полу. В одной руке недоеденное с обеда яблоко, в другой – книжка, внутри которой было всё: томные изгибы, стоны, геометрические параметры и, естественно, несметное богатство главного героя-соблазнителя, о котором главная героиня не догадывалась даже, но знала наверняка.

Она всегда так читала, с полным погружением. Как она только отличала эти обложки и содержимое?

Так и в тот день: дело шло к обеду, мухи на потолке уже потирали вкусные лапы, на полу валялась солнечная надпись, отброшенная оконной витриной, – «Скоро в школу!». Спать хотелось нестерпимо.

Входная дверь распахнулась, и в солнечном проёме возникла она – фурия. Я её сразу узнал по взлохмаченной причёске «ща как дам тапочкой!», лицу с раскраской индейца, сту-

пившего на тропу войны, алой латексной куртке, туфлям на таком каблуке, что хозяйка могла бы питаться с подоконников первых этажей, и остроконечным ювелирным латам на пальцах.

Сказочное существо в два прыжка приблизилось ко мне:

– Так! Мне срочно нужны «Записки дрянной девчонки»!

Мне захотелось ответить: «Так напишите!». Но я промолчал.

Красивая. Действительно красивая, но очень помятая женщина лет тридцати пяти. Благодарные черты лица были замазаны тональными средствами, а морщины, которые уже нельзя было спрятать, говорили о том, что когда-то этот человек много смеялся. Сейчас же передо мной нависало лицо вампира, пришедшего за порцией крови и нервов. Ну как всегда, мне не привыкать.

– Записки кого?

– Дрянной девчонки! Дарья Асланова.

– Очень приятно. Сергей Логвинов.

– Вы издеваетесь? Дарья Асланова! Книга «Записки дрянной девчонки – 2»!

– Она их две написала?

– Вы что, не читаете литературу, которую продаёте?

– Читаю. Но у меня в отделе только дрянные записки программистов.

– Меня это не интересует! Мне нужны «Записки дрянной девчонки»! – Глаза сверкнули.

Бесконечный мрак глазных провалов смотрел мне прямо в душу. Сердце сжалось от интереса: «Что это за записки, что их надо покупать с таким выражением лица? Может, ей в отдел оккультизма?»

Я прошёл вдоль прилавка к соседнему отделу, где унесённая книжными страстями Ира готовилась пережить свой двадцать пятый за день оргазм.

– Ира! – осторожно коснулся её плеча, чтобы у неё вагинизм не случился во время внутрикнижных оргий.

Ноль эмоций.

– Ира, нужны «Записки дрянной девчонки – 2».

Ира, не отрывая взгляда от текста, ответила куда-то в пустоту:

– Их сто лет нет. А вторую часть не заказывали: первую еле продали.

И снова погрузилась в океан страстей и фиалковых отношений.

Подожёл поближе, заглянул в страницы: «...он снова обрушил на неё свой влажный рот, привлёк к себе обеими руками и замер...»

– Ира, – шёпотом, – давай я на тебя обрушу свой влажный рот, и ты начнёшь работать?

– А? Что? Кто? Где? Дурак ты, Логвинов, ничего не понимаешь.

Развернулась и убежала в подсобку. Наверное, рот вытирать после влажного.

Я вернулся к покупательнице:

– У нас нет такой книги. К сожалению.

Губы гаргульи нервно дёрнулись. Она резко поправила несуществующую чёлку и воткнула в меня первый коготь:

– Что значит нет? Это бакалея или книжный магазин? Мне не нужно два килограмма книг, мне нужна всего одна! Штука! «Записки дрянной девчонки – 2»!

– Но у нас её нет. Была, но закончилась. К сожалению.

– Так, значит, была? Она была, и теперь её нет? Она вообще одна была? Вы поштучно торгуете?

– Нет, была опытная партия, плохо разошлась, вторую часть не заказывали. Смысла нет.

– Смысла нет в вашем магазине, раз у вас нет книги, которая нужна мне! А почему не заказали? – Голос, видя мою беспомощность перед женской красотой, начинал мной управлять и манипулировать. Этот второй её коготь ударил меня в солнечное сплетение. Я стоял перед

ней, как обоссанный школьник, забывший вторую строфу «Белеет парус». Она пила меня глазами и совершала глубокие глотательные движения.

- Её плохо раскупали, – пробормотал я.
- Что, вот совсем плохо? Вот совсем-совсем?
- Вообще никак. Еле избавились.

Я смотрел на её рот и тихо превращался в стоящую рядом продавщицу-истукана: во мне пылала страсть обрушить на неё свой влажный рот прямо тут, среди лебедей, на полу. Чтобы она при этом ругалась, как портовая шлюха, жрала меня и требовала опять что-то не существующее в этом мире, проводя третьим когтем по спине.

И дешёвый мазохист во мне пролепетал:

- Хотите, я вам её в среду закажу в издательстве?
- В среду? А завтра я что буду делать? Ходить кругами по комнате?
- У вас же не круглая комната.
- Книга в среду должна лежать вот тут! – Четвёртый коготь указал точное место на прилавке, где именно должна будет лежать книга неведомой мне девчонки.

Я машинально провёл рукой по этому месту, как будто книгу я уже заказал, съездил в издательство, и вот она тут лежит, хоть сейчас клади на неё руку и клянись «и в горе, и в радости».

Фурия круто развернулась на своих каблучищах, в лицо ударил терпкий аромат духов, которые не продают в переходах метро, и быстрым шагом рванулась к двери.

Снова вспышка, и видение исчезло.

Все четыре продавщицы, кассир и заведующая, полуспрятавшаяся за дверью кабинета, – все смотрели на меня.

Я виновато пожал плечами и поплёлся в кладовку зализывать раны. За обедом все молчали, никто не просил соль. Мне тихо подложили печенье.

Всё, что мне приказала Строгая Госпожа, я выполнил: созвонился, съездил в издательство, долго рылся в ящиках «Макулатура», нашёл порванную пачку «Записок», привёз, распечатал, положил книгу на указанное место и стал ждать.

В этот день я работал на отлично: на любой вопрос отвечал быстро и чётко, очередь не задерживал, в пустые разговоры не вступал, не выпускал из поля зрения дверь. Всё время смотрел на дверь. Даже сквозь покупателей.

Приближался час расплаты. Она обещала в 15:00. Стрелка настенных часов медленно отсчитывала микросекунды.

Ровно в 15:00 дверь не распахнулась. Она тихо, на половину своих возможностей, открылась.

В дверном проёме стояла старушка. Ухоженная, седоватая, аккуратная. Осколок империи.

Бабушка медленно подошла ко мне.

- Извините, вы тот самый молодой человек?
- Наверное, я. Нас тут всего двое, второй уже не молодой.
- Я к вам за этой книжкой. – Она кивнула на лежащие наготове «Записки дрянной девчонки – 2».
- Да, пожалуйста, пробивайте в кассу, – прошелестел пересохшим ртом я.

Сказка продолжается? Может, она свою алую накидку постирала, а без неё она – тихая старушка с горестными складками?

– Видите ли, молодой человек, позавчера к вам подходила моя дочка. (О, Небо, она не фурия! Она земная, и у неё есть мама!) Извините её, пожалуйста. Она очень нервничает сейчас. Она очень добрая, но жизнь не сложилась, замуж так и не вышла. И не выйдет, наверное. Она работает переводчиком у одного очень крупного политика. Постоянные командировки, в

основном зарубежные, очень редко бывает дома. Иногда приходит и просто падает спать. Не смывая грима. И плачет. Она часто плачет. И я тоже. Но к ней не захожу: это неприлично. Она недавно прочитала первую часть этой книги и очень ждала вторую. Говорит, что там как про неё всё написано. Я не читала, я не могу такие книги читать. И достать её никак не может: за границей не продают, а дома еле отдохнуть успевает – не то что в магазин сходить. Вот и сегодня она внезапно улетела в Швейцарию. Говорит, на конференцию. Потом всегда фотографии показывает. Только заседания не снимают: запрещено, секреты коммерческие. Но зато можно фотографироваться в ресторане, на пляже, в горах. Сказала мне зайти сегодня за книгой. Это она?

Я взял в руки книгу, подержал на весу и передал её в руки старушки. Она трепетно приняла томик и опустила его в выцветший синий атлас дамской лакированной сумочки:

– Спасибо вам огромное! Она сегодня будет звонить вечером, она каждый вечер мне звонит, – я ей скажу, что книга ждёт её дома. Не обижайтесь на неё, она не всегда была такой... дерзкой.

Больше я ни старушки, ни фурии не видел.

Наверное, в той книжке, во второй её части, она нашла ответы на свои вопросы.

А я продолжал нести свою вахту по соседству с параллельным миром, где на обложках книг смуглые мачо в белоснежных блузах, развеваемых порывами ветра, в плащах, окутывающих волной цвета вороньего крыла, в широкополых шляпах ломали об колено позвоночники златокудрым блондинкам, закрывшим в истоме глаза, откинувшему слабую руку за голову и готовым принять обрушивающийся на них влажный рот.

Настоящий Дед Мороз

Меня в десятом классе пионервожатая попросила побыть на школьном детском утреннике для младших классов Дедом Морозом. Я с ней дружил – славная девочка была, лет двадцати двух. Она мне помогала, если надо было в РОНО выбить разрешение на увеселения для нас – старшекласников, а я ей помогал своим авторитетом, если надо было, чтобы никто из моих дружанов на торжественной линейке слово «хуй» из толпы не сказал. Именно она однажды тайком принесла в школу и дала мне взять домой зарубежно-запрещённый музыкальный журнал Rolling Stones, из которого я срисовал портреты Pink Floyd, Fleetwood Mac, Blues Brothers и ещё кучу всего. Она отвечала за утренник, но оказалось, что актёр из городского театра, он же родитель моего одноклассника, заболел.

И костюм Деда Мороза уплыл на другие утренники для других детей. И сроки судорожно поджимали: завтра.

Из атрибутики у пионервожатой нашёлся только ярко-красный шёлковый мешок.

– Из галстуков, что ли, сшили?

– Нет, от выборов остался: с ним по квартирам ходили.

– А эти дети... Я их больше пяти минут не выдержу, начну хвою в рты запихивать...

– Мне больше просить некого, а ты столько мероприятий в школе проводишь, дискотеки, опыт есть.

– Так нет ничего! Ни бороды, ни валенок, ни рукавиц, ни посоха. Ни тулупа. Ладно, что-нибудь придумаю.

Вечером собрались своей школьной алкатнёй на автобусной остановке, сидим перетираем всякое, говорю им: «Чуваки, завтра я – Дед Мороз». Все косо посмотрели на меня: «Опаньки!»

Пришлось делиться с ними бедой пионервожатой, которую, кстати, вся школа любила. Бывают такие люди, от которых свет исходит. А уж после того журнала она вообще получила пожизненное уважение.

Стали думать, как найти в закромах малой родины, то есть в кладовках и на антресолях, хоть что-то, что могло бы меня сказочно превратить в старого весёлого деда. Кто-то вспомнил про ржавое ружьё в сарае. Разошлись выгребать закрома.

На следующий день в школу было принесено всё, что только было найдено.

Я впервые в жизни увидел столько секунд-хенда, хотя слова такого в стране ещё не было. Даже тулуп подобрали. Не алый, конечно, но и не совсем убитый. Подпоясали ярким кушаком, стало не так напоминать про некрасовских зайцев-утопленников. И рукавицы на пять размеров больше, и посох у завхоза добыли – черенок от старых грабель. Вроде всё собрали. Не было только валенок. Ну откуда в Севастополе валенки? Всё что угодно есть, а валенок нету. Не завезли. Не тот климатический пояс выбрали для утренника. Алые женские сапоги на шпильках, которые решено было принести в жертву и срубить каблуки, чтобы подошва плоская была, на меня не налезли. А утренник уже вечером. Вечером утренник, утром вечерник. Страна вневременных праздников. Бороду и усы из мочалок девочки мне сделали, но валенок не наваляли.

Сижу в подсобке рядом с актовым залом в джинсах и в обычных зимних ботинках. Вроде кто-то обещался что-то похожее на валенки раздобыть и принести, но так и не стряслось.

Ещё эти дети... Я их не очень люблю. Маминых любил, но там другие – детдомовские, а к этим упитанным детсадовским упырям ну никак душа не лежала. У них вечно какая-то бессмысленная возня, гам, мельтешение, истерики «хочу» и «дай» в универсамах, вечная попытка утянуть на себя внимание любой ценой, постоянные сопли-слёзы и совочком по лбу.

«Дед Мо-роз! Дед Мо-роз!» – завершали истошные детские голоса.

Стихи, частушки и остальное я знал с детства, так как мама была воспитателем и дома весь этот фарш-набор слов знали все. У нас собирались воспитатели и нянечки, чтобы склеить к утренникам короны-кокошники, выучить и отрепетировать под маминым руководством тексты.

Распахиваю дверь и вхожу в актальный зал. Яркий свет, как специально. Хоть бы дым по полу пустили. Или вообще свет вырубили, я бы «ёлочка, зажгись» сделал и потом вещал новогодние кричалки из тёмного угла. Но свет горел так, что у гигантского натюрморта, висящего над школьным буфетом, краска из-под пыли проступила. И началось.

Всякие там из леса с подарками, давайте веселиться, хороводиться, может, чё споём.

– Я начну, а вы кончайте: хором дружно отвечайте! – начал я басить своим пятнадцатилетним альтом.

Загадки, хоровод, Снегурочку позвали, та на себя временно внимание перетянула, а я свободно вздохнул на пару минут. И снова в бой. Незаметно для себя втянулся. И в хороводе с ними забродил, и на руки этих чудовищ поднимал, и стихи троечникам подсказывал, и скромных отличниц, стоящих вне зоны веселья, за руку затаскивал в общее действо. Песни только не пел – у меня по пению вечное «к доске не вызывать» стояло, да и учитель пения тут же под ёлкой на баяне наяривает, хоть бы смазал по случаю дверные петли на своём инструменте.

Час отпрыгал по залу в тулупе – уже все воды отошли. А я не мог даже горло промочить: Деды Морозы не пьют. Они из другой, сказочной жизни, им не положено земное. И голос стал уже такой – дед-морозовский, пересоший, с хрипотцой. В общем, было весело, и праздник подходил к концу. Меня уже ждали за порогом сказочные олени в страну оленью – на остановку к моим алкашам.

И тут один мальчик громко так, чеканя каждое слово, как все ученики младших классов читают выученные стихи, произносит: «Дедушка Мороз, а я тебя знаю! Ты Серёжа из десятого «А»!»

И пальцем показывает на то место, где тулуп резко обрывает сказку и открывает вид на джинсы и обычные зимние ботинки.

Если вас когда-нибудь родители застукивали во время полового акта, то вы меня поймёте.

Баян квакнул, и стало тихо. Дети остановились и посмотрели на предательски торчащий из-под моего длинного тулупа деним.

Мне внезапно стало хреново. С прилепившейся ко лбу мокрой мочальной прядью я старался не смотреть в сторону обманутых детей. Пионервожатая замерла в углу с мешком подарков и глядела на меня с ужасом и болью. И Снегурочка, оторопев, молчала. А ведь могла бы пуститься в пляс или песню затянуть.

Кромешную тишину разорвал голосок третьеклашки:

– А нам всё равно было весело!

Пионервожатая опустила мешок на пол, зашуршали пересыпающиеся внутри целлофановые подарки. И стала хлопать в ладоши, увеличивая фрикцию. И все зааплодировали.

Поздно вечером, сидя с корешами на остановке, я отхлёбывал «777» и молчал на все расспросы.

– Ну что, напрыгался с гадёнышами? А джинсы как? Не догадались?

– Догадались. Но сказали, что у них всё равно сегодня был Дед Мороз.

1676

Похмельный пылесос

Итак, летнее время на окраине подмосковного Одинцово. Я тогда ещё хорошенько так употреблял, без приставки «зло-», ибо побеждало, как всегда, добро.

Просыпаюсь утром с великого бодуна. Башка трещит, я не помню лиц, с кем вчера бухал, помню только последние девять цифр их телефонов. Звонок в дверь! Ура! Принесли же!

Подбегаю к двери и, не смотря в глазок (я бы в него и не попал), открываю её широким негостеприимным жестом. На пороге стоит девушка и ошалело на меня смотрит. Первая мысль: за её спиной стоят родители, и меня сейчас в присутствии свидетелей женят тут же, у почтового ящика под брызги шампанского. Игривое не помешало бы. Но девушка смотрит мне в глаза и улыбается. Я чувствую сквозняк по ногам, опускаю голову. Ломаный насос: я в футболке. Но без трусов.

– Мы проводим презентацию пылесосов «Кирби». Нам надо девушку-практикантку научить работе с клиентами. Вы не могли бы помочь?

– Извините, я в такой нишете, что у меня даже трусов нет.

– Я уже видела. Давайте я вас папкой прикрою, чтобы вам удобнее было со мной разговаривать.

Она выдвинула папку с прищепкой перед собой, чтобы не видеть моё членство.

– У меня башка трещит, я еле живой, я обучаемую девушку не выдержу.

– Она просто посидит, а наш сотрудник на примере вашей квартиры ей всё покажет.

– Так вас трое?!

– Ну пожалуйста!

– Ладно, подождите тут.

Было так хреново, что сделать мой день ещё хуже никто бы не смог. Прикрыл дверь, пошёл искать трусы, нашёл на ручке холодильника.

– Входите!

Вошли трое с коробкой. Парень вынул из неё агрегат с металлической бляхой Kirby – чистый стимпанк! Девушка-стажёрка присела на стул. Парень-инструктор начал произносить какой-то текст – примерно так дикторы центрального ТВ обращаются к нации во времена смут, погромов и карнавалов.

Я не понял ни слова. Сижу, внимаю, руки дрожат:

– А можно быстро рассказать, что этот «Кирби» клёво сосёт, и все свободны? – прервал я члена секты свидетелей пылесоса.

– Ну нам же девушку надо научить!

– А она не может текст выучить по бумажке?

– Мы обучаем новых сотрудников методом показа-рассказа, – объяснила правоверная кирбитянка, та, которая сношалась со мной через папку несколько минут назад.

Сижу дальше слушаю бред, покачивает, почти засыпаю. Вдруг кирбимен поворачивается ко мне:

– А как вы думаете, что ещё умеет наш пылесос?

– Бля, ребята, я про него вообще не думаю. Я его вообще первый раз вижу!

Коммивояжёр, не обращая на мой лепет никакого внимания, так же торжественно с оптимистическим предкоитальным вскриком продолжает:

– Он может пробивать канализацию и засоры! У вас есть засоры?

– Не знаю, я позавчера последний раз был на кухне в твёрдом уме и светлой памяти.

Парень хватает девочку и меня за руки, и мы все безумной каруселью летим на кухню.

В раковине стопка невымытых тарелок пытается изобразить Сиднейский театр оперы, на плите расплавленный торт, на мусорное ведро вместо пакета натянута презерватив.

Лидер рекламной бригады вынимает из раковины тарелки, присовывает трубу от пылесоса в сливное отверстие и нажимает на кнопку.

Пылесос ответил гулом взлетающего Су-72. В ванной заклокотало, застучали зубные щётки, отпрыгнул унитаз. В моей голове упало и разбилось трюмо.

Потом мы пропылесосили диван, два коврика, шкаф, телевизор.

– А теперь я вам покажу, на чём вы спите!

Я уже даже не в ужасе. Вот, думаю, сейчас начнётся.

Там райончик такой загадочный был. Окраина Одинцово, за бутылку водки сбывались все мечты. Частенько на этом самом диване.

Звезда пылесосного шоу откидывает полог (слово нравится, для красоты ввернул) и обнажает матрас. В самое интимное полезли, черти! Слава яйцам, там ничего и никого шокирующего не оказалось, матрас как матрас.

Парень воткнул трубу от «Кирби» в край пружинного коржа – квартира наполнилась реактивным гулом, моё ложе просело.

Диван был такой старый, что в аэродинамическую трубу засасывало не только пыль, но и узоры. Прямо лоскутами. Только велюр гудел.

Потом кирбянин достал из пылесоса круглые салфетки, как фильтры от кофеварки 90-х годов:

– У вас есть зажигалка?

Киваю ему на журнальный столик для ног.

Он хватается зажигалку и поджигает высыпанное из салфетки. Послышался запах то ли резины, то ли горького миндаля. Кирби-гуру сунул под нос ученице горстку спёкшегося говна и опять обернулся ко мне:

– Вы видите? Это о чём говорит?

– Ы-ы-ы, это ещё и говорить сейчас будет?

– Это говорит о том, что в диване живут клещи!

– Ложь! В диване живут пружины.

Мои слова как слону в жопу – полный игнор меня, меня там нет. Что в трусах, что без трусов я им не нужен. У них уроки не сделаны.

Хотя двоечница эта на стуле клёвая. Она особо не смотрит на демонстратора, уткнулась в тюль и кивает. Да и он, пребывая в предпродажном экстазе, по-моему, её взаимно не замечает.

Под его мантры я встаю и иду на кухню курить с той девушкой, что использовала против меня прищепку. Парень периодически высовывает голову в коридор (типа я глухой, что ли, или тупой?) и орёт:

– Это не какая-нибудь китайская подделка! Это настоящий американский пылесос, который...

Я там не помню, что он может ещё, вроде как им ещё котят топить можно.

Возвращаюсь в комнату. Повсюду леопардовыми пятнами разбросаны круглые салфетки из-под кофеварки-пылесоса. И все грязные. Но разложены красиво, нет ни одной помятой, и они везде: на столике, на диване, на телевизоре, на полу. Одна к одной. Так коллекционеры, наверное, раскладывают свою филателию из кляссеров, чтобы похвастаться перед собой и снова убрать в секретер.

Парень спросил у кисейной ученицы, всё ли она поняла. Та привычно кивнула в промышленное ришелье. И тут происходит невероятный коллапс.

Кирбист подходит ко мне со стопкой анкет, садится рядом. Так близко с мужчиной я находился в последний раз в военно-морском училище, стоя в шеренге и видя грудь четвёртого человека.

В голове проносится мысль, что сейчас я буду подписывать какие-то важные бумаги. Например, о капитуляции Северной Кореи. Да, я забыл указать, что парень был восточной наружности. Даже окрас восточный. Но не тот Восток, который обезженивал Сухов, а ещё дальше. Там, где кончается Родина и начинается куырдак.

Он мне сразу подозрительным показался, как и вся эта петрушка с благотворительной акцией.

Адепт механизации клоповников, всё ещё удерживая толстыми короткими пальцами стопку бумаг формата А4, спрашивает меня... Не, он не спрашивает даже – он декламирует. Так в начальных классах ученики, помогая себе подбородком, читают стихи про «хватать за вражеский венец»:

– Вам понравился наш пылесос?

– Да, – судорожно икаю ещё на слог «-сос».

Мне безумно понравился пылесос, для меня это уже член семьи, такое впечатление, что этот пылесос тут был с самого начала, ещё до их прихода.

Но, если быть честным, пылесос – бомба. Комнатный «Харлей», кругом металл, насадки меняются и вставляются одним кликом. Но, что самое полезное, он тяжёлый! Мой пылесос, купленный в палатке «Всё для дома по 50 рублей», испуганно выглядывал из-под дивана, осознавая всю свою уёбищность. Когда мне доводилось наводить порядок с его помощью, он выёбывался как мог: болтался на проводе, перекручивая его, стучал по полу и частям мебели, запутывал проводом ножки стола – в общем, вёл себя как безобразная белка. Сучий пылесос, честно. Не то что этот, тяжёлый и похмельный.

В круговороте замысловатых отношений «человек – техника – человек» уже с трудом понимаешь, кто на кого оказывает большее влияние и кто кем управляет. Вселяя в нас священный трепет перед её капризами и выкрутасами, техника требует ответственности, внимания, преданности, а иногда и любви.

Электродрели, ростеры, шуруповёрты, СВЧ-печи, телевизоры, утюги, стиральные машины, кондиционеры и холодильники всего лишь призваны окутать наши лифтоносные жилища имени четвёртого сна Веры Павловны уютом и комфортом, погрузить нас в беспечно-сонное состояние защищённости от бытовых проблем, начиная от «когда же всё это закончится?» и заканчивая «неожиданно пришли гости!».

Они сталагмитами осваивают квадратные метры паркетов и ламинатов наших комнат, обживают сантиметры поверхностей столов и тумбочек, сверкая кристаллами колб, взбираются на полки, золотоносными жилами своих проводов обвивают стены, сталактитами свисают с потолка. Наши бетонные пещеры обрастают тем, что мы называем плодами цивилизации. Но они всего лишь наши избалованные мажордомы, вызывающие индифферентное позёвывание: не хочешь работать – забирай документы и убирайся из моего дома к ближайшему мусорному контейнеру. От них ни холодно ни жарко. Хотя у многих из них на ладонях печатных плат судьбой выгравировано призвание вносить в дом тепло или холод, свет или тьму. Они – безымянные работники службы нашего быта, обладающие максимум серийным номером или названием бренда. Да и кому придёт в голову давать имена инвентарным миксерам или соковыжималкам?

А у этого пылесоса было имя!

И тут парень обратился ко мне, чеканя в воздухе каждое своё заученное слово:

– Вот вы бы купили себе такой пылесос? – И, не дожидаясь ответа, придвинул ко мне лицо-луну: – В расщочку!

– Да не нужен он мне! – Мой пластиковый выкидыш заулыбался под диваном. – Ну, что мне пылесосить? Диван не мой, ковры не мои, горизонт завален. У меня нет семьи, нет жены, даже детей нет и кошки. Генеральная уборка происходит так: закрыл глаза – чисто, открыл – сам виноват. Не нужен он мне.

– Но рассрочка даётся на год!

– Я не смогу не пить и не курить целый год, чтобы выплатить всю его полезность, вот честно!

Мне уже так херово стало, скорее бы ушли – я бы упал на освобождённый от клещей диван, закрыл глаза кругами салфеток и валялся под одеялом без трусов.

– Но вы же сами видели, что пылесос может заменить... – Последовал перечень приборов.

Я уже падал от усталости в этом шапито.

– Вы же видите, в какой нищете я живу? Пятиэтажка, кодовый замок на подъезде вырван ещё при закладке дома, в подъезде нассано, в квартире из антиквариата только я, и мне сейчас посуду мыть. Я точно не ваша целевая аудитория.

Чтобы они поскорее убрались, я отдал бы им всё! Я их уже ненавижу, а ведь так хорошо всё начиналось! Пришли бы с пивом – мы бы сели кто на чём, чувак на пылесос, открыли бы по баночке, выпили, я бы пару баянов вспомнил, девочка тюль бы даже не заметила, хихикала бы, поскуливая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.